

Александр Горский

ИГРОКИ

ИГРОКИ

18+

Александр Горский
Игроки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Горский А. В.

Игроки / А. В. Горский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Взметнувшийся над городом небоскреб прячет в себе непостижимые уму человека тайны. Заточенные в нем силы добра и зла ведут непрекращающуюся борьбу за судьбы людей. И вот они сошлись в очередном противостоянии. Но почему Павел не торопится исполнить повеление своего властелина? Почему должна умереть ни в чем не повинная Ольга? И что станет с ангелом, возжелавшим стать опять человеком? Увлекательная, насыщенная черным и одновременно ярким юмором и глубоким смыслом история о бесконечной игре, в которой люди только пешки, но, как ни странно, и пешка порой может решить сама, когда ей сделать свой ход. История о том, как творится зло во имя добра, как любовь может стать синонимом зла и смерти невинных, но все равно останется любовью, о том, как хочется спасти всех, но удастся лишь немногих. Удивительная книга, достойная автора, родившегося в один день с Михаилом Булгаковым.

Содержание

Глава 1, в которой мы узнаем о существовании в городе таинственного небоскреба, точнее, о том, что в городе есть небоскреб, мы знали и так, но не подозревали, что он таинственный	5
Глава 2, в которой Филипп приходит к Алексу и также благополучно от него ухитряется уйти	9
Глава 3, в которой Павел посещает Макса и получает очень странное задание	14
Глава 4, в которой Петр не может как следует расслабиться, а Алекс начинает торопиться	17
Глава 5, в которой Магда вспоминает все, что никогда не помнила, а Анна просто получает удовольствие	22
Глава 6, в которой Магда переживает незабываемые впечатления и тут же о них забывает, а Рокотов просто смотрит телевизор	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1, в которой мы узнаем о существовании в городе таинственного небоскреба, точнее, о том, что в городе есть небоскреб, мы знали и так, но не подозревали, что он таинственный

Небоскреб, взметнувшийся вверх над городом острой стальной спицей, изо всех сил пыжился проткнуть небо, однако у него это никак не получалось. Несмотря на то, что северное небо почему-то называют низким, оно по-прежнему оставалось в счастливой недосыгаемости для многочисленных антенн и стержней громоотводов, украшавших вершину стоэтажного колосса. Сто этажей стекла, стали, бетона, денег. Сто этажей тщеславия. Так считали многие, да что там, почти все, кто не был знаком с истинной конструкцией здания, а с ней не был знаком никто из живущих городе, включая губернатора, главного архитектора строительства и заказчика, в очередной раз доказавшего, что мечты сбываются. Надо лишь научиться мечтать по-настоящему, с огоньком и размахом.

Постройка здания, на деле доказавшего способность менеджеров госкомпании собрать и тут же потратить огромное количество денег, и ставшего местной достопримечательностью еще до окончания строительства, не обошлась без происшествий. На самом первом этапе осуществления грандиозного проекта, когда только начали рыть котлован под фундамент будущего небоскреба, начались проблемы с подрядчиками. Они менялись один за другим, словно картинки в детском калейдоскопе, вот только картинки все были одна страшнее другой. К руководителям одних подрядчиков в офис приезжали с обысками сотрудники следственных органов, других арестовывали прямо на еще толком не начавшейся стройке, у третьих таинственным образом за ночь, особенно если это была ночь с пятницы на понедельник, исчезали все экскаваторщики. Да ладно бы, если только они. Удивленный прораб ходил по опустевшему строительному городку, пытаясь найти хоть кого-нибудь способного продолжать работу, а затем, увлеченный поисками, и сам исчезал посреди сотен расставленных на территории строительных вагончиков.

Во всей этой кутерьме никто не удивился, когда в один прекрасный день в город по железной дороге прибыли шестьсот тонн северокорейских рабочих. Молчаливых, трудолюбивых и все как один весом не более, но и не менее шестидесяти килограмм. Идеальная калибровка!

Возможно кому-то покажется оскорбительным, что численность рабочих, тем более северокорейских измеряется в тоннах. Но что поделать, книга эта основана исключительно на фактах, а факты эти говорят, что в город прибыл грузовой состав, в котором в опечатанных товарных вагонах прибыли «шестьсот тонн, не облагаемых пошлиной и не подлежащих таможенному досмотру Р/Р». Так было написано в сопроводительной накладной, ну а сокращение Р/Р означало всего-навсего: разных рабочих, хотя не сказать, что на вид они сильно отличались друг от друга.

Грузовой состав с корейскими Р/Р въехал на территорию стройки и ворота захлопнулись, после чего из-за ворот две недели никто не показывался. К ним только один за другим подъезжали бетоновозы и заливали бетонный раствор в гигантский швинг. Что происходило далее с этим невероятным количеством бетона не знал никто. Субподрядчики полагали, что генеральный подрядчик нашел себе нового исполнителя, но спросить напрямую у генерального директора генерального подрядчика не могли, так как тот уплыл, или, как говорят знающие толк в яхтах люди, ушел в открытое море, хотя любой, кто хоть раз видел глобус, сможет подтвердить, что Средиземное море не такое уж и открытое, на своей новенькой, купленной в счет аванса за начальный этап работ яхте. Заместители генерального директора генерального подрядчика,

оставшиеся в городе, были уверены, что это наконец взялся за ум один из субподрядчиков, правда непонятно какой именно, но их было так много, что общую картину субподрядов не представлял никто, включая отдохавшего на яхте шефа. Что думал обо всем происходящем заказчик, никому не известно, скорее всего он ничего не думал, а был занят своим привычным делом – мечтал. Ибо, если вы хотите, чтобы ваши мечты сбывались, эти мечты должны у вас быть.

Тем временем десять тысяч северокаорейских рабочих, каждый из которых привез с собой небольшую, по росту северокаорейскую лопату, а также увесистый томик с кратким изложением основных идей Чучхе, начали копать землю. Естественно, лопатами. Они копали непрерывно, посменно несколько дней, постепенно уходя в образующуюся яму все глубже. Вскоре вынутого грунта стало так много, что он уже не помещался на строительной площадке, и его пришлось сбрасывать в холодные, серые воды залива, благодаря чему площадь города увеличилась на восемь гектаров, а впоследствии на образовавшейся территории, которую некие, близкие к администрации города люди тут же ухитрились втридорога продать вначале городу, а затем стратегическому инвестору, был выстроен элитный яхт-клуб. Первоначальная сделка прошла с поразительной для городского рынка недвижимости скоростью и, что удивительно, полным отсутствием всякого бюрократизма. Этим удивительным явлением можно было бы без устали восхищаться до сих пор, если бы не одно, совсем непримечательное обстоятельство. Лица, продающие неизвестно откуда появившуюся землю городу и лица, утверждавшие, согласовавшие и подписавшие сделку со стороны городской администрации были фактически одними и теми же людьми. Таким образом, они просто-напросто переложили деньги из правого кармана брюк в левый, а обычно такие действия совершаются легко и непринужденно. Вся тонкость была лишь в том, что правый карман брюк этих самых лиц по странному недоразумению считался почему-то общественным, а деньги, лежавшие в нем, именовались бюджетными, но переложив их в левый карман, это досадное обстоятельство удавалось исправить.

Выкопав грандиозную яму, каорейские рабочие несколько дней непрерывно заливали в нее бетон, попутно добавляя в раствор арматуру, сантехнические и вентиляционные трубы, кабеля электропроводки. В общем, все что нужно, для строительства нормального стоэтажного здания. Через две недели работы были закончены. Здание, невидимое из-за глухого трехметрового забора было, пусть и в черновом виде закончено. Если бы забора не было, это здание все равно увидеть никто бы не смог, ибо нельзя, стоя на земле, увидеть сто этажей, под этой самой землей спрятанных. Через две недели, как раз к возвращению из средиземноморского похода генерального директора ге... (ну вы уже поняли), грузовой состав выехал с территории стройки и взял курс обратно на Северную Корею, после чего о нем уже никто и никогда не слышал. Состав увез пятьсот девяносто семь тонн Р/Р. Еще три тонны таинственным образом ухитрились просочиться сквозь ограждение, состоящее из забора с колючей проволокой и автоматчиков, и смешаться с толпой таджиков, узбеков и граждан других цивилизованных стран, прибывающих в город на заработки.

Когда обалдевшие от безделья и ничегонепонимания субподрядчики, вместе с представителями генерального подрящика зашли на стройку, они увидели идеальный, готовый к дальнейшему строительству фундамент здания. Исчезновение каорейцев представлялось делом еще более таинственным и загадочным, чем их необъяснимое появление, потому что понять откуда берется на стройке дешевая иностранная рабочая сила еще можно, но как можно с этой самой стройки уйти, не потребовав оплаты за выполненные работы, этого понять не мог никто.

Вход в стоэтажную подземную часть здания пришедшим на смену каорейцам местным подрящикам по какой-то странной, не поддающейся логическому объяснению случайности обнаружить не удалось ни в тот день, ни на всем протяжении строительства, растянувшегося еще на несколько лет. Как и положено масштабному, курируемому государственными структурами проекту, строительство небоскреба непринужденно вырвалось за рамки таких бессмыс-

ленных условностей как утвержденные сроки и запланированный бюджет. И то, и другое было превышено в разы, что позволило вдоволь отвести душу и урвать свой кусок пирога представителям всевозможных структур, сотрудники которых либо ходят на работу в форме, либо хранят эту форму дома, в шкафчике.

Когда здание было построено, выяснилось, что по непонятной причине наружная длина каждой из сторон небоскреба превышает запланированную на несколько, а если точнее на двенадцать метров, превышает запланированную по проекту. Обмер внутренних помещений не дал ответа, откуда взялись излишки площади и на что они были потрачены по той простой причине, что этих самых излишков обнаружено не было, более того, почти каждое помещение, каждый коридор или кабинет оказались пусть на несколько сантиметров, но уже, чем было запланировано.

По подсчетам незамедлительно подключившихся к этим занимательным вычислениям людей в штатском, хранящих свою форму дома в шкафу, выходило, что на каждом из этажей гигантского здания присутствуют порядка четырехсот квадратных метров неучтенной площади, которую никак невозможно обнаружить. Поскольку уже давно арестованные руководители субподрядчиков путались в показаниях и не могли никак прояснить картину, после некоторого совещания в верхах силовых структур было принято волевое решение, и прямо в аэропорту был задержан высокий, загорелый мужчина в самом расцвете сил, только что вернувшийся в страну после очередного хождения на яхте по Средиземному морю. Но и арест генерального директора генерального подрядчика ситуацию не прояснил, а поиски невидимых, но явно существующих квадратных метров с использованием розыскных собак и рентгеновского оборудования результата не принесли. Собаки вели себя странно, они ложились на выложенный итальянским мрамором пол коридоров, закрывали морду лапами и начинали жалобно скулить. Рентгеновское оборудование вело себя примерно также. У него правда не было лап, но из строя оно выходило с гораздо большим числом шумовых эффектов. В конце концов, на поиски махнули рукой. Заказчик готовым зданием был вполне доволен, а то что стройка несколько вылезла за рамки бюджета, так это вполне логично. Разве можно осметить мечту?

Арестованное руководство подрядчиков, включая генерального, было решено не отпускать. Во-первых, это не соответствовало традиции национального гостеприимства: «Всех пускать, никого не выпускать», во-вторых, люди, у которых дома в шкафу висели мундиры со звездами на погонах, уже отчитались перед людьми, у которых в особняках, в ионизированной прохладе шубохранилищ висели мундиры с более яркими звездами, о проделанной работе и переотчитываться обратно никто не собирался. Ну а в-третьих, положила руку на сердце, ну кто же поверит, что в ходе такого грандиозного строительства исполнители ничего не украли и не зависили смету? Так что сажать в любом случае было за что, хотя объяснить почему некоторые подрядчики получили всего четыре года, а некоторые все восемь не смог бы никто, включая выносившего приговор судью, купившего сразу по завершении процесса небольшую виллу на адриатическом побережье. Злые языки поговаривают, что раньше эта вилла принадлежала теще генерального директора генерального подрядчика, счастливо отделавшегося условным сроком. Но кто в наше время верит злым языкам?

Небоскреб величественно высился над городом, живя насыщенной, не прекращающейся ни днем, ни ночью жизнью. Часть этой жизни – в виде горящих ночи напролет окон и парковок, заставленных автомобилями, была видна случайно оказавшимся в относительной близости горожанам и приехавшим специально посмотреть на удивительное здание туристам. Жизнь эта была прекрасна и удивительна, подтверждением чему служила не только высота великолепного здания, но и произносимая экскурсоводами значительным шепотом примерная стоимость строительства небоскреба, конкурировать с которой могла лишь стоимость стоящих на его парковке шикарных автомобилей.

Другая часть, без особого шума протекающая на так и не найденных квадратных метрах наземной части здания и в подземной, о существовании которой и вовсе никто не догадывался, была скрыта от глаз любопытных. Между тем, вход в эту часть вовсе не был упрятан за железной дверью с табличкой «высокое напряжение» или «посторонним вход воспрещен». Вовсе нет. В просторный, прохладный холл, пол которого был выложен белым мрамором, а стены черным входили, как и положено входить в солидное учреждение, через автоматические раздвижные двери, зеркальное стекло которых отражало яркий солнечный свет и взгляды тех, кому смотреть сюда было не обязательно. На центральном входе в небоскреб таких дверей было несколько. Часть из них постоянно была закрыта, так как в конечном счете, вне зависимости от грандиозности постройки и ее предназначения, все решает завхоз, а завхоз здания справедливо рассудил, что если все шесть дверей будут зимой раскрываться перед бегающими туда-сюда менеджерами и посетителями, то придется включать целую уйму тепловых завес, так что вполне можно обойтись и двумя дверями. С наступлением лета, все тот же мудрый человек понял, что через шесть дверей в здание будет попадать больше удушливого жара, чем это произойдет, если четыре двери будут закрыты. В конечном итоге, круглый год четыре двери из шести были заперты, во всяком случае завхоз был в этом уверен.

На самом деле он ошибался. Одной из запертых дверей пользовались, причем достаточно регулярно. В нее регулярно кто-то заходил и, что удивительно, не менее регулярно кто-то выходил из нее. Однако, если к этой двери по ошибке устремлялся некий случайный посетитель, умные, изготовленные на заказ где-то в южном Китае, фотоэлементы сразу же распознавали личность, не заслуживающую внимания, и двери оставались неподвижны. Впрочем, такое случилось крайне редко. Как правило, люди, включая завхоза, их просто не замечали.

Но сейчас к дверям направлялся неброско одетый мужчина средних лет, среднего роста и среднего телосложения. Примечательным в мужчине было только его имя. Звали его Филипп.

Глава 2, в которой Филипп приходит к Алексу и также благополучно от него ухитряется уйти

Филипп немного нервничал. Никакого особого повода для этого вовсе не было. Обычный визит, такой же, как и сотни предыдущих. Тем ни менее, он чувствовал, как спина ниже лопаток постепенно становится мокрой. «Почему мы потеем? – Филиппу на мгновение стало обидно, – есть в этом процессе что-то унижительное, что-то такое чего с нами быть не должно. А если и должно, то не с нами». Автоматические двери гостеприимно распахнулись, когда до них оставалось сделать еще два шага, в лицо сразу же ударила волна прохладного, пропущенного через кондиционер воздуха. В холле как всегда было пустынно. Кому-то могло показаться странным, что на первом этаже самого высокого здания в городе нет ни души, но Филипп к этому уже привык и воспринимал как должное.

– Добрый день, Филипп, вы сегодня замечательно выглядите, – послышался добродушный, немного дребезжащий старческий голос.

Филипп обернулся и увидел появившегося неизвестно откуда лифтера.

– Добрый день, – он сдержанно кивнул, – сомневаюсь, что сегодня я выгляжу лучше, чем обычно.

– В такую жару это уже достижение, – улыбнулся лифтер. – Поедете?

Сколько Филипп помнил, старик всегда задавал этот глупый вопрос, заранее зная, что Филипп конечно же поедет. Зачем тогда постоянно спрашивать одно и то же? Или он ждет, что однажды ему ответят что-то наподобие: нет, сегодня я хочу пройтись по лестнице. Сотня этажей в одну сторону, а затем столько же на обратном пути несомненно развлечет мои коленные чашечки.

– Пожалуй, да, – улыбнулся в ответ Филипп и положил руку на сенсорную панель слева от лифта.

Сделав пару торопливых шагов, лифтер коснулся ладонью точно такой же панели, но только справа от раздвижных дверей. Обе панели засияли мягким серебристым светом, а из невидимых колонок послышалось торжественное завывание фанфар. Этот звук Филиппу никогда не нравился и он, не удержавшись, поморщился.

– Что-то не так? – полюбопытствовал лифтер.

– Музыка, – признался Филипп, глядя, как неторопливо расходятся в стороны двери лифта, – обновили бы ее что ли. Это вообще возможно?

– Обновить? Это же классика. Под эти звуки Цезарь въезжал в Рим, возвращаясь из Египетского похода.

– Цезарь, ясно, – усмехнулся Филипп, – и что с ним потом стало?

– Думаете, это из-за музыки? – лифтер выглядел растерянным. – Кроме вас, вообще-то никто не жаловался. Но я посмотрю, может быть получится что-то исправить.

– Было бы замечательно.

Двери лифта вновь сдвинулись и закрыли от Филиппа тщедушную фигуру лифтера. Кабина едва заметно завибрировала. Филипп взглянул на небольшой экран над дверями, на котором стремительно менялись цифры. 33.. 48.. 62... 81 ... Вот и сто. Лифт замер и через мгновение двери бесшумно разъехались в стороны. Никаких фанфар на этот раз не было. Выйдя из лифта, Филипп оказался в огромной, ярко-освещенной гостиной. Весь потолок комнаты представлял собой одно ярко-белое световое поле. Филипп прищурился. Он всегда считал, что яркость стоило бы немного приглушить, но вкусы владельца помещения оставались неизменны уже не первый год.

– Ты как всегда вовремя, – хозяин офиса, приветственно вскинул руку, не вставая с дивана.

– Здравствуй, Алекс.

Филипп низко наклонил голову, приветствуя шефа. Когда-то давно они договорились, что будут общаться друг с другом на ты, и все же каждый раз, здороваясь, Филипп ощущал дискомфорт. Несмотря на то, что в номере было прохладно, спина вновь начала сочиться потом, а рубашка мгновенно прилипла к коже.

– Что-то ты бледненький сегодня, – Алекс упруго вскочил на ноги, яркий свет потолочных панелей отразился от его абсолютно лысого черепа, – садись-ка в кресло, я тебе налью немного для тонуса.

Устроившись в удобном, мягко пружинящем под его весом кресле, Филипп наблюдал за тем, как Алекс быстрым шагом пересек гостиную, распахнул обе дверцы огромного холодильника и извлек из него бутылку колы и ячеистую емкость со льдом.

– Если можно, побольше льда, – попросил Филипп.

– Почему нет, – не оборачиваясь отозвался Алекс, – в такую жару лед, это то, что нужно.

Добавив ко льду и коле изрядное количество виски, Алекс вернулся к своему гостю, неся в каждой руке по бокалу.

– Держи, – он протянул один бокал Филиппу, после чего вновь занял свое место на диване, – ну что, какие новости?

– Какие новости? – Филипп поднес бокал ко рту и с удовольствием ощутил холодную влагу на языке, – лето, жара, все еле живые ползают. Думаю, до осени особых новостей ждать не придется.

– Тебя послушать, так лето – это что-то ужасное, – Алекс поднял свой бокал на уровень глаз и несильно встряхнул, от чего кубики льда с легким звоном застучали о хрустальные стенки, – разве все так плохо?

– Я не говорю, что плохо, – смутился Филипп, – кое-что мне конечно нравится.

– И что же это? – хозяин офиса хитро прищурился и потер пальцем гладковыбритый подбородок, – подожди, дай я попробую угадать.

Он на мгновение задумался и его высокий лоб стремительно пересекли две глубокие морщины.

– А я знаю, – Алекс щелкнул пальцами, – уверен, что знаю, но хочу, чтобы ты сам признался.

– Да не в чем мне признаваться, – Филипп почувствовал, что краснеет и поспешно поднес бокал к губам.

– Ведь ты же о женщинах сейчас говорил, верно? – Алекс сверкнул белозубой улыбкой, – я прав? Да конечно я прав.

– Ну ты всегда прав, – Филипп допил виски и поставил бокал на маленький столик из черного дерева, предусмотрительно расположенный совсем рядом с креслом, – ничего плохого в моем интересе к женщинам я не вижу.

– Плохого? – тонкая бровь изумленно дернулась вверх, – кто говорит, что женщины – это плохо? Женщины – это великолепно. Я думаю, что женщины – это лучшее из того что на земле было создано, как с эстетической точки зрения, так и со стороны всего развития человеческой цивилизации. Понятно, что камень прогресса в гору толкали преимущественно мужчины, но делали они это зачастую именно ради прекрасных дам.

– А уж сколько глупостей ради них наворотили, – Филипп усмехнулся.

– Глупости, и что такого? – возразил Алекс. – Людям свойственно делать глупости. Я тебе даже так скажу, всем свойственно делать глупости. Так лучше делать их ради женщин, а не только по причине своего скудоумия.

Алекс вновь вскочил с дивана и подошел к висящей на стене огромной написанной маслом картине, изображающей какую-то обнаженную красотку, выходящую из морских волн на пустынный берег. Филипп, готовый поклясться, что никакой картины на стене еще минуту назад не было, с удивлением рассматривал девицу, которая одной рукой безуспешно прикрывала пышную грудь, а другой стыдливо тянулась чуть пониже живота. Скрыть свои прелести девушке помогала пышная, золотистого оттенка коса, спускавшаяся по левой груди красавицы и уходящая вниз. Ее распущенный хвост очень удачно помогал прижатой к телу ладошке скрыть от глаз наблюдателей то, что видеть им вовсе не полагалось.

– Некоторых женщин забыть невозможно, сколько бы лет ни прошло, – Алекс обернулся и шуточно отсалютовал Филиппу бокалом, – поверь мне. Но если брать в целом соотношение времени года и женской красоты, то весна, на мой взгляд, выигрывает.

– Да? – удивился Филипп.

– Да, – кивнул Алекс, – сейчас объясню почему.

Допив виски, Алекс поставил пустой бокал на барную стойку и вернулся к дивану.

– Представь, начало марта, еще холодно. Ночью пока подмораживает, а днем никак не может стать теплее нуля. И вот наконец первый теплый день. Ну как, теплый. Теплый в сравнении с тем, что было до этого. И вот сразу же мешковатые зимние балахоны меняются на приталенные весенние курточки, сразу же появляются короткие, не по погоде юбочки, из-под которых видны стройные ножки. По большому счету ничего толком еще и не видно, но ты понимаешь, завтра будет теплее, завтра будет лучше. И от этого душа твоя поет. В этом и есть прелесть весны. Что, не согласен?

– Я не спорю, – усмехнулся Филипп.

– Нет, ты хочешь поспорить, я же вижу. Смотри, вслед за мартом приходит апрель, сходит последний снег, а с ним и остатки лишней одежды у наших красоток.

– Ну, летом-то ее еще меньше, – позволил себе возразить Филипп.

– Я сказал, лишней, – Алекс укоризненно покачал головой.

– По мне, так она вся лишняя.

– Ты слишком прямолинейно мыслишь. Порой лучше чего-то не видеть, но воображать, что оно идеально, чем видеть то, что есть на самом деле.

– Мне кажется, это касается не только женщин.

– Это касается всего. Начиная от размера гордости, болтающейся между ног у каждого самца, заканчивая обустройством мира. На этом построена любая религия, на том что домысливаем то, чего не знаем. Еще виски?

– Нет, спасибо, – Филипп знал, что, общаясь с Алексом, контроль терять над собой не стоит.

– Нет, так нет, – пожал плечами Алекс, – рано еще напиваться. Тебе особенно.

Филипп понял, что разговор, наконец, зайдет о деле.

– Скажи, друг мой, как там дела у этой твоей подопечной? – Алекс нахмурился. – Все время забываю ее имя! Ты мне прошлый раз рассказывал, у нее с мужем проблемы.

– Анна? – на всякий случай уточнил Филипп, – абсолютно уверенный, что Алекс не мог забыть имя, поскольку Алекс вообще никогда и ничего не забывал.

– Точно, Анна, – обрадовался Алекс, – хорошее имя, простое, а почему-то из головы вылетело. Так что там у нас с Анной?

– Ничего, – буркнул Филипп.

– Ничего? – недоуменно переспросил Алекс.

– Ничего хорошего. Я же рассказывал, что они постоянно грызутся с мужем.

– Что-то было, – Алекс кивнул, – из-за ребенка, если не ошибаюсь.

– Да, из-за ребенка. Точнее, из-за отсутствия ребенка.

– Так, а что, разве она не хочет?

- Хочет. Она хочет. Он хочет. Но, как говорится, бог не дал.
- Бога-то зачем везде вмешивать? Кто им чего не дал? К врачам ходили они?
- Ходили, – подтвердил Филипп.
- Алекс недовольно взглянул на своего гостя.
- Мне что, из тебя каждое слово клещами вытягивать надо?
- Не надо, – заторопился Филипп, – клещами не надо. Анна обследовалась. Полностью. Никаких отклонений не выявлено. Она абсолютно здорова.
- Так, – удовлетворенно потер рукой лысину Алекс, – а супругник?
- Он делал спермограмму еще два года назад. Тогда все было по нижней границе, но в пределах нормы.
- Вряд ли с тех пор стало лучше.
- Вряд ли, – согласился Филипп, – работа у него сидячая, к тому же курит.
- А что, им на работе курить можно? – удивился Алекс.
- Ну прямо на работе нельзя, но он же там не круглыми сутками впахивает.
- Ясно, сколько ему уже лет?
- Сорок два.
- В его возрасте за здоровьем надо следить, – Алекс демонстративно напряг мышцы, всем своим видом показывая, что к своему здоровью он относится крайне серьезно.
- «Сколько ему лет на самом деле? – задумался Филипп, глядя на шефа, – на вид больше пятидесяти не дать».
- Ты о чем там думаешь? – Алекс нахмурился, – ты слышишь вообще, что я говорю?
- Ни о чем, – вздрогнул Филипп, – все я слышу.
- Ну ладно, – Алекс расслабленно откинулся на спинку дивана, – а то показалось, что ты не со мной. Ушел в другие миры.
- Да здесь я, – как можно увереннее ответил Филипп.
- Хорошо. А что с этим ее ухажером?
- Артемом, – не дожидаясь очередного вопроса подсказал Филипп.
- Я помню, – голос Алекса прозвучал холодно, – я помню его имя. А вот где они познакомились, не припоминаю.
- Я не рассказывал. Он живет в этом же районе и ходит в ее магазин через день.
- За пивом?
- В основном молоко, геркулес, творог. Иногда яйца. У него дочке пять лет.
- Так он женат? – Алекс явно был разочарован.
- Нет, – Филипп отрицательно покачал головой и поспешил объяснить, – жена умерла еще пять лет назад, при родах. С тех пор он с дочкой один.
- Надо же, так бывает? – Алекс задумчиво почесал кончик носа, – и как же он один управляется?
- Как-то управляется, – Филипп с улыбкой развел руками, давая понять, что Артем справляется относительно неплохо, – поначалу с ними жила его мать, но она два года назад тоже умерла. Сердце. Но к тому времени дочка уже пошла в садик, так что он держится.
- Держится он, – хмыкнул Алекс, – а теперь, значит, за чужую жену решил подержаться? Филипп промолчал, по тону Алекса он чувствовал, что шеф Артема не так уж и осуждает.
- Ладно, – голос Алекса звучал совсем миролюбиво, – кто мы такие, чтобы осуждать чужие поступки? Как по мне, если эти двое и вправду друг друга любят, так и нет ничего плохого, коли они будут счастливы, – Алекс пристально взглянул на Филиппа, словно сомневаясь, что тот его правильно понял.
- Счастливы вместе, – ухмыльнулся Филипп.
- Вот именно, – подтвердил Алекс, – только не как те идиоты из телевизора, а по –настоящему. Простым тихим человеческим счастьем.

Филипп всегда умел угадывать, когда беседа подошла к концу. Вот и сейчас, вскочив на ноги он заметил одобрителный кивок шефа и был немало удивлен, когда, уже подойдя к дверям лифта услышал за спиной вопрос.

– А скажи-ка мне, кто у этой Анны в соседях?

– В соседях? – не сразу понял вопрос Филипп.

– Ну да, у них же есть соседи по лестничной клетке.

– Есть конечно, сейчас правда лето, все разъехались. Кто за городом, кто на море укатил. Из всех соседей одна бабка осталась, Марья Сергеевна, – Филипп поморщился, – та еще стерва, если честно.

– А что ты хочешь, старость – это как отлив на море. Вода уходит и все дно человеческое сразу видно, а там такое порой валяется, смотреть страшно.

– Не знаю, – Филипп неуверенно пожал плечами, – мне кажется она и по молодости была не лучше.

– Да? – огорчился Алекс, – ну что поделать, такая значит она натура цельная, с годами не меняется. Она, кстати, как, помирать пока не собирается, здоровье не подводит?

– Мне кажется она еще долго скрипеть будет, если кто-нибудь не поспособствует, – Филипп усмехнулся и облегченно увидел ответную улыбку шефа.

– Ну и пусть скрипит потихоньку.

...

Когда двери лифта закрылись, Филипп облегченно вздохнул. Встреча прошла хорошо, судя по всему, шеф всем доволен и можно спокойно работать дальше по заданной теме. Основная тема сейчас одна – Анна. Точнее, Анна и Артем.

– Любовь нечаянно нагрянет, – промурлыкал Филипп. – когда ее совсем не ждешь... Нашел же я себе работенку. Таким темпом скоро в сутенера превращусь.

Двери бесшумно распахнулись, и Филипп вышел в пустынный, если не считать одинокой, прислонившейся к стойке с радиоприемником фигуры лифтера, холл небоскреба.

– Ну, как пообщались? – старик дружески улыбнулся.

– Да вроде неплохо, – Филипп был в хорошем расположении духа и не скрывал этого.

– Что, как всегда новые идеи? – еще дружелюбнее улыбнулся лифтер.

– Как сказать, – Филипп ослабил галстук на шее и почувствовал, как дышать стало легче, – идеи всегда одни и те же. Люди разные, кому эти идеи в головы приходят.

– Тоже верно, – было очевидно, что лифтер ничего не понял, – ну, не буду вас забалтывать. Хорошего дня!

– И вам не скучать, – Филипп махнул рукой на прощанье и неторопливо направился к выходу из здания.

Глава 3, в которой Павел посещает Макса и получает очень странное задание

Проводив Филиппа долгим взглядом и убедившись, что в холле больше никого не осталось, лифтер включил радиоприемник и покрутил ручку настойки. В динамике что-то зашуршало, а затем радостный женский голос произнес:

– Сегодня президент посетил нижнедудинский трубопрокатный комбинат, где лично убедился в преимуществах нового метода проката.

– Да уж, прокатывать они научились, – хмыкнул лифтер, – кого хочешь прокатить могут.

– Президент заявил, что следует приложить все силы для освоения производства труб большего диаметра, – бодро тараторила диктор.

– Все силы у них в трубу, – старик осуждающе покачал головой, – всё в трубу.

Двери на входе в здание распахнулись, и лифтер, заметив появившуюся в проеме высокую худую фигуру, поспешно выключил радио.

– Павел, добрый день! – лифтер сделал несколько шагов навстречу вошедшему.

– Чем же он добрый? – Павел никогда не был особо приветлив, но сегодня он явно был чем-то недоволен, – такая жара, а приходится таскаться в этом чертовом пиджаке. Лифтер отступил на шаг в сторону и окинул Павла внимательным взглядом с головы до ног.

– Да шикарный у вас пиджак, просто божественный. Наверняка на заказ шили?

– Пиджак может и шикарный, – буркнул Павел, – вот только я в нем мокрый, как конь на скачках. А потом воняю как этот конь и его жокей вместе взятые.

– Ну знаете, жокеи разные бывают, – не согласился лифтер, – от некоторых очень даже неплохо пахнет. Вот был я как-то на скачках в Аскоте, это в Англии, и познакомился там с одним жокеем, как сейчас помню, Энтони Рашпид его звали.

– Может в другой раз? – Павел шагнул к лифту, – а то мне ведь к шефу. Он опозданий не любит.

– Ну да, – понимающе кивнул лифтер, – к нему еще никто не опаздывал.

Две руки одновременно коснулись сенсорных панелей, тут же приветливо засветившихся в ответ.

«Hello, you fool, I love you,» (привет, ты дурашка, люблю тебя) – послышалось из динамиков, вмонтированных в стену над дверями лифта. Павел вздрогнул и недовольно покосился на лифтера.

– Это что?

– Это? Роксетт, если не ошибаюсь. Шведы.

– Раньше, вроде, другая музыка была? Без слов.

– Все течет, все меняется, – старик добродушно улыбался, не обращая внимания на пристальный взгляд Павла, – теперь индивидуальная мелодия на каждого посетителя.

– Вот как? – Павел нахмурился, – и по какому принципу подбирают мелодии?

– В случайном порядке, – заверил лифтер, – а что, разве плохо?

– Раньше было лучше, – недовольно буркнул Павел, – а точно в случайном порядке играет?

– Можете не сомневаться.

Закрывшиеся двери лифта не позволили Павлу услышать продолжение фразы.

– Раньше было лучше, – язвительно передразнил лифтер. – Раньше, Павлик, и лифтов не было.

...

Павел закрыл глаза. Он всегда делал так в лифте, настраиваясь на встречу с шефом, и вовсе не потому, что боялся. Сам Павел был уверен в том, что его и вовсе ничто не способно напугать. Ему надо было сосредоточиться, чтобы не допустить малейшей ошибки и в очередной раз доказать, что он лучший. Сколько их у шефа? Сотни? Тысячи? И все норовят показать, что они незаменимы. Не открывая глаз, Павел улыбнулся. Разве может быть такое, чтобы кого-то невозможно было заменить? Особенно с учетом того, как шеф относится к ошибкам. Улыбка исчезла с напряженного лица. Да уж, ошибок шеф не прощал, хотя, на взгляд Павла, иногда можно было действовать и не столь жестко. Но, пожалуй, свою точку зрения он оставит пока при себе.

Сомкнутые веки и двери лифта распахнулись одновременно. Павел набрал в легкие побольше воздуха и решительно шагнул вперед.

Дальняя стена огромной гостиной терялась в полумраке. Верхний свет был выключен, лишь несколько неярких светильников поблескивали на стенах, создавая вокруг себя не слишком большие бледно-желтые пятна. Еще один источник света был расположен в углу комнаты. Свет был неровный, как и подобает свету от пламени.

«Странная идея, одновременно топить камин и охлаждаться кондиционером,» – Павел не стал озвучивать промелькнувшую в голове мысль и прошел в глубь гостиной.

– Люблю смотреть на огонь, – произнес Макс извиняющимся тоном, – наверно, кроме меня в такую жару никто и не топит больше. Рад тебя видеть!

– Здравствуй, – Павел наклонил голову, пытаясь выглядеть почтительно и в тоже время не терять достоинство.

– Чай, кофе, коньяк? – Макс вскочил с расстеленной на полу медвежьей шкуры.

– Если ты что-то будешь, то и я не откажусь, – Павел предоставил шефу возможность принять решение самостоятельно.

– Ну нет, значит нет, – пожал плечами Макс.

Павел с сожалением подумал, что зря отказался от коньяка, но промолчал.

– Да ты не стой столбом, – Макс гостеприимно указал рукой на диван, – располагайся. Я все же, пожалуй, коньячка налью себе немного, ну и тебе заодно.

Улыбнувшись, хозяин гостиной повернулся к Павлу спиной и зазвенел бокалами у барной стойки.

– Помнишь, ты мне рассказывал про Ольгу? – Макс обернулся, но в полумраке лица его почти не было видно, – ну, та, которая ждет ребенка.

– Конечно помню, – подтвердил Павел, – она, только вчера, кстати, на УЗИ ходила.

– Надо же, – Макс подошел к дивану и протянул Павлу бокал, – ну и как, что УЗИ показывает? Мальчик?

– Мальчик, – кивнул Павел.

– Мальчик, это хорошо, – Макс широко улыбнулся и провел рукой по густому ежику темных, короткостриженных волос, – наследник. Как тебе коньяк?

– Шикарный, – честно признался Павел, – причем вкус знакомый, но пробовал когда-то давно, не могу вспомнить.

– Да уж, коньячок знатный, – было очевидно, что Макс может сказать о напитке что-то еще, но как всегда не торопится делиться информацией, – но сейчас не о нем. Эта Ольга, – улыбка исчезла с лица Макса, – она должна умереть, причем ближайшее время, если не сегодня, то завтра.

– Умереть? – ошеломленно переспросил Павел, – как, умереть?

– Хороший вопрос, – кивнул Макс, – это правильно, что ты его задал. Она не должна умереть абы как. Надо чтобы ее забили, забили до смерти.

...

Двери лифта распахнулись, однако в холл никто так и не вышел. Выждав немного, удивленный лифтер подошел к лифту и заглянул внутрь. Павел, стоял неподвижно, прислонившись к зеркальной стене, абсолютно бледный, словно кто-то высосал из него всю кровь. Глаза его были закрыты, а крепко сжатые губы искривились в непонятной ухмылке.

– Что-то случилось? – как можно благожелательнее спросил старик.

Павел открыл глаза и бессмысленно уставился перед собой.

– Нет, – он едва заметно покачал головой, – ничего не случилось. Пока ничего.

– Вам, может, воды, или посидеть немного? Что-то вы бледненький, аки смерть.

– Что? – вздрогнул Павел и с ужасом уставился на лифтера.

– Бледный вы, говорю, вот что, – лифтер сделал шаг вперед и осторожно подхватил Павла под локоть, – давайте-ка я помогу вам выйти. Лифт нельзя долго задерживать, мало ли кому понадобится. А вы вот здесь присядьте, – он указал рукой на один из квадратных пуфов из экокожи, расставленных по всему холлу.

Павел обессиленно рухнул на пуф и вытянул ноги. Его широкие плечи безвольно поникли, а голова раз за разом норовила упасть на грудь.

– Выпейте-ка водички, полегчает.

Лифтер протянул Павлу стакан. Сделав несколько жадных глотков, Павел понюхал стакан, после чего удивленно взглянул на старика.

– Странно, вроде без спирта, а прошибает как от водки.

– Хорошая водичка, – кивнул лифтер, – живая. Ты уж допей, сделай милость. Тогда до вечера бодрячком будешь.

Второй раз упрашивать не пришлось. Павел залпом опустошил стакан и, довольно ухнув, вернул его лифтеру.

– Ну спасибо тебе, выручил. Пойду я, пожалуй.

– Иди, иди, – одобрил лифтер, – с богом.

– Да разве ж бога на всех напасешься, чтоб он со всеми ходил? – усмехнулся Павел, – так пойду, один.

– Ну, тоже верно, у него, поди, своих делов хватает.

Последнюю фразу лифтер произнес уже в спину удаляющемуся Павлу. Его высокая нескладная фигура еще не успела приблизиться к раздвижным дверям на выходе из здания, когда те распахнулись, выплеснув в холл волну горячего уличного воздуха. Вместе с этой волной появился и новый посетитель. Павел несомненно был с ним знаком, потому что при виде входящего невысокого, но широкоплечего мужчины застыл на месте в неловкой позе, не зная идти ли ему дальше или отступить в сторону.

Вошедший элегантно снял солнечные очки и белозубо улыбнулся.

– Какая встреча! Мы же с тобой, наверно, лет сто не виделись.

– Здравствуй, Петр, – Павел сухо кивнул и сунул руки в карманы, давая понять, что здороваться он не намерен.

– Здравствуй, брат, здравствуй! – Петр с любопытством рассматривал Павла, – а ты ведь и не изменился совсем, даже посвежел малость, вон, щёчки какие розовенькие. Неужто эликсир молодости изобрел?

– Ага, – Павел наконец справился с мимолетной растерянностью, – живую воду. По утрам стакан натощак и вечером перед сном.

– Ох, Павлуша, такой большой, а все в сказки веришь, – пренебрежительно хлопнув Павла по плечу, Петр направился к лифту.

Глава 4, в которой Петр не может как следует расслабиться, а Алекс начинает торопиться

– Привет старик! Ты все еще жив? Никак, наш общий друг и тебя живой водой по утрам поит?

Лифтер убрал пустой стакан под стойку и, проводив взглядом выходящего из здания Павла, поспешил навстречу новому визитеру.

– Рад вас видеть в хорошем настроении, дорогой мой.

– А когда я был не в хорошем? – Петр вновь блеснул белозубой улыбкой, – мне вообще кажется у меня характер ангельский. Всегда всем доволен, всем улыбаюсь, детям, собакам, женщинам. Женщинам особенно.

– Так вы и сами – чисто ангелочек!

– Ой, старик, не льсти мне, – Петр шутливо погрозил пальцем, – чаевых все равно не дам. В нашем департаменте в прошлом месяце опять накладные расходы урезали, теперь денег на полироль не хватает.

– Это чего ж за полироль-то такая? – удивился лифтер.

Петр вскинул руку и потянул вниз рукав пиджака.

– Видишь, у меня запонки на рубашке? Платиновые! Чтоб блестели как следует, полировать каждый день надо. Замшей. По пятнадцать минут, каждую. У меня даже человек в хозяйстве был, специально обученный, который только этим и занимался.

– Во как? – восхитился лифтер. – И что же это, он только по полчаса в день и работал, да еще и зарплату за эту получал? А что ж остальное время делал?

– Все же ты, старик, глупый, – усмехнулся Петр, – что ж ты думаешь, у меня этих запонок всего две?

– А сколько же?

– Сколько, сколько... – Петр замаялся, очевидно не желая говорить правду, но потом признался, – ну, пять. Раньше шесть было, но одну этот дурак – Павел, оторвал, потерялась.

– Подрались что ли? Из-за чего ж так?

– Из-за чего мужики дерутся? Из-за бабы конечно, не могли поделить фифу одну.

– А она что?

– Что, она? Обоих нас кинула, сама на Тибет рванула, говорят там в буддизм подалась.

– Буддизм, это как ветрянки. Им каждый переболеть должен, – лифтер сочувственно покачал головой. – И когда ж такое приключилось? Может, пойти, поискать. Небось, дорогая запонка?

– Да уж, чего там теперь, – Петр с досадой махнул рукой, – это ж тыщу лет назад почитай было, при царе-горохе. Уже все с тех пор навозом присыпано и этим, как его...

– Прахом павших героев? – выдвинул предположение лифтер.

Петр удивленно взглянул на собеседника.

– Какие героев, ты чего, старик? Комиксов посмотрелся? Я хотел сказать, быльем поросло. Ты вот знаешь, что такое былье?

– Да откуда ж мне? – лифтер недоуменно развел руками.

– Вот! И никто не знает, а им непременно порастает все, особенно там, где уже навозом присыпано. Ладно, заболтался я с тобой, а мне к шефу надо. Сам знаешь, в гости к шефу не бывает опозданий. Так что, старик, жми на кнопку, получим результат.

Две руки коснулись каждая своей панели почти одновременно. Панели тут же засияли в ответ, однако двери лифта почему-то не распахнулись.

– Сейчас придет, подождать надо.

– Опять? – Петр недовольно поморщился, от чего его загорелое лицо на мгновение утратило привлекательность, – прошлый раз, помню, тоже ждать пришлось.

– А что вы хотите, – вздохнул лифтер, – самое высокое здание в городе. Сто этажей вверх, сто вниз. И все только с этажа на этаж ездят.

– Вот скажи мне, – Петр дружески положил старику руку на плечо, – вот кто это так спроектировал? Он что, куда-то торопился? Сроки жали? Типа, семь дней и не секундой дольше? Они ж наверняка год этот проект только по инстанциям гоняли, согласовывали.

– Так, кто ж знает, как оно все было, – замялся лифтер.

– Да везде оно все одинаково, – уверенно заявил Пётр и хлопнул старика по плечу, от чего тот пошатнулся, – ведь было ж время, могли второй лифт в проекте нарисовать.

– Могли, – с грустью признал лифтер, – не додумали.

Двери лифта наконец распахнулись и мощный голос Адель заполнил весь холл: «Let the sky fall. When it crumbles...» (пусть небеса рухнут, когда все рухнет...) Петр удивленно покачал головой и вошел в лифт.

– Я смотрю, вы музон обновили, дед. Неплохо. Правда, все равно старье крутите. Вы бы сюда хит-парад залили и обновляли потом каждую неделю, тогда бы по уму было.

– Что залить? – недоуменно переспросил лифтер, но ответа он так и не услышал. Двери лифта захлопнулись.

...

– Красавец, одно слово – красавец, – Алекс окинул гостя одобрительным взглядом. – Шикарно выглядишь! Вискарика?

– Вискарика? – Петр задумчиво потер подбородок, – это можно, только без колы, а то у меня от нее пузырьки из разных мест лезут. Потом перед девушками неудобно.

Алекс не дал Петру опустить руку. Крепко ухватив ее за запястье, он с интересом рассматривал запонку.

– Хорошая вещь, антиквариат, – он наконец отпустил руку Петра, и тот как можно быстрее спрятал ее за спину, – только ухаживать надо за ней как следует.

– Так я ухаживаю, – Петр сглотнул слюну, от чего кадык на его шее дернулся, – полирую. Каждый день тру, уже вон какие мозоли натер. На обеих руках.

– Правда? – направившийся к барной стойке Алекс удивленно оглянулся, – сейчас покажешь мозоли свои. Посмотрим, может как-то вылечить можно.

– Да? – Петр спрятал за спину вторую руку, – так ведь это, не стоит. Я ж на этой неделе не тер, так и мозоли прошли уже почти все.

– Я и смотрю, блестит тускло, – удовлетворенно кивнул Алекс, – но ты не халтурь. Вечером дома будешь, потри как следует.

– Непременно, непременно потру, – заверил Петр, – обещаю. Так заполирую, аж северное сияние будет.

Он принял бокал с виски из рук Алекса и тут же сделал большой глоток.

– Так, а чего звали-то? Вопрос какой порешать надо, или так, посидеть, вискарика погонять?

Дождавшись, когда Алекс устроится в кресле, Петр тоже присел на краешек дивана.

– Всего помаленьку, – ушел от прямого ответа Алекс.

– Ясно, – кивнул Петр, усаживаясь поудобнее, – совместим, значит, приятное с полезным.

– Полезным ты для меня что считаешь, – Алекс холодно улыбнулся, – виски или общение с тобой?

– Виски конечно. Тут ведь все от количества зависит, – затараторил Петр, – говорят, в малых дозах врачи рекомендуют. Стаканчик можно. А я что? Я-то понятно, от меня какая польза быть может? Одно удовольствие, – поняв двусмысленность своей фразы, он оконча-

тельно смутился и попытался объяснить, – не в том смысле, конечно, мы ведь это не практикуем. Обычное, дружеское, так сказать, общение.

– Расслабься, – улыбнулся Алекс и, выждав пару секунд, уточнил, – расслабился?

– Да, – торопливо отозвался Петр.

– Нет, – Алекс оценивающе взглянул на своего визави, – я чувствую, что ты напряжен.

Вот давай сделаем так, ты сейчас закроешь глаза и полностью расслабишься. Ну, закрывай.

Петр послушно закрыл глаза и застыл неподвижно. Алекс некоторое время молчал, затем любопытствовал.

– Сейчас расслабился?

– Расслабился, – уверенно кивнул Петр.

– Полностью?

– Полностью, – второй кивок был еще решительнее первого.

– А ягодичи?

– Что, ягодичи?

– Ягодицы расслабил?

– И ягодицы расслабил, – простонал Петр.

Алекс удовлетворенно откинулся на спинку кресла и глотнул виски.

– А мне кажется, что ты врешь. Так ты и не расслабился. А знаешь почему?

– Почему? – Петр осторожно открыл глаза.

– Потому, что ты ждешь подвоха. Ты боишься, что, если расслабишься, что-то пойдет не так. А ты должен в меня верить.

– Да верю я, – как можно убедительнее отозвался Петр.

– Вот и верь, – посоветовал Алекс, – а напрягаться тебе все равно нет никакого смысла.

Потому как если я захочу, то что-то пойдет не так независимо от того, напрягаешься ты или не очень, поверь мне.

– Я верю, в это я точно верю, – слова торопливо высказывали изо рта Петра.

Алекс улыбнулся.

– Вот сейчас точно не соврал, по голосу сразу заметно. Ладно, я ведь с тобой хотел человечка одного обсудить.

– Человечка? – обрадовался новой теме разговора Петр, – да хоть одного, хоть десятерых, я всегда готов. А что сделать надо?

– Да, почти и не надо ничего, так подрулить немного, – Алекс беззаботно мазнул рукой, – помнится ты мне про тетку одну рассказывал.

– Тетку? Чью тетку? – попытался вспомнить Петр.

– Да ничью, вообще. Которая в Казахстане живёт, Татьяна, кажется.

– Ах, Татьяна, есть такая, – подтвердил Павел, – в Павлодаре. Говорил про нее, было дело. Так, а что с ней? Невзрачная вроде тетка, ни вреда от нее, ни пользы никому нет, живет – спину рвет, огород пропалывает.

– А родня у нее как, имеется?

– Как сказать. Муж умер два года назад, дочка есть, тут где-то живет, в городе. Но они уже несколько лет как не виделись. А больше и нет никого.

– Ясненько.

Что именно шефу стало ясно, Петр не понял, но переспрашивать не стал. Надо будет – ему и так все расскажут, а если не надо, так тем спокойнее, хлопот меньше.

– Я вот думаю, коли от нее никакой пользы нет, так может всё, пора с ней прощаться? – Алекс вопросительно посмотрел на Петра.

– Надо, так надо, – равнодушно отреагировал Петр, – хотя тетка, конечно, безобидная, плохого не делала никому. А что, как прощаться будем?

– Так это ты мне скажи, – усмехнулся Алекс, – ты ведь прощание организовывать будешь. Желательно как-то попроще все сделать, тихо, по-доброму.

– По-доброму, – задумался Петр, – я посмотрю, какие у нее хронические заболевания, наверняка с возрастом что-то накопилось.

– Хронические – это может быть долго, – возразил Алекс, – а у нас сроки поджимают.

– А когда надо сделать?

– Когда? – Алекс бросил взгляд на висящие на стене часы, – лучше в первой половине дня.

– Сегодня? – Петр нервно заерзал на диване.

– Ну а когда? – Алекс вновь взглянул на часы.

На самом деле часов было несколько. Четыре одинаковых круглых циферблата различались лишь расположением стрелок и маленькими аккуратными надписями внизу, обозначающими название города, которому соответствовало время на часах. Лондон, Москва, Токио, Нью-Йорк. Пятый циферблат отличался от остальных странной надписью внизу, сделанной почему-то на латыни. «Verum tempus», – что в переводе на местный язык означало истинное время. Стрелки на этих часах, внешне не отличимые от своих сородичей на соседних циферблатах, жили какой-то своей, обособленной от остальных, жизнью. Хотя, о том, что они на самом деле живы, можно было догадаться с большим трудом. За все то время, что Петр находился в гостиной на часах не пошевелилась не то что минутная стрелка, а даже длинная и узкая, предназначенная для отсчета секунд, спица. Но такова была суть истинного времени. Оно было неторопливо, ибо отсчитывало историю вечности, не имеющую ни конца, ни начала. Одна секунда на этих удивительных часах могла соответствовать нескольким дням, а то и неделям, измеряемым обычным человеческим временем. Как объяснял однажды Алекс, это не означало, что истинное время изменяет скорость своего движения. Вовсе нет. Истинное время потому и истинное, что на него повлиять никто не в силах. На самом деле замедляется и ускоряется обычное человеческое время. Ведь все человеческое слабо и непостоянно, зависит от капризов погоды, капризов настроения, капризов чего угодно. Чем меньше этих капризов, чем человеку лучше, чем чаще он улыбается и думает, что жизнь удалась, тем быстрее летит его время. Соответственно, чем человеку хуже, тем медленнее ход стрелок его наручных часов, даже, если эти часы без стрелок, даже, если и часов-то никаких на руке нет. Любой школьник знает, как долго тянутся сорок минут урока, особенно того, на котором могут вызвать к доске, и как быстро пролетают те три часа, на которые мама отпускает погулять во двор. А две недели, проведенные по горячей путевке в Таиланде? Даже, если с семьей? Они проносятся мимо со скоростью пассажирского экспресса, в то время как те же несчастные четырнадцать дней ползут со скоростью перегруженного товарняка, если их приходится провести на больничной койке, или и вовсе превращаются в бесконечность, если на больничной койке вы оказались в самом Таиланде, упав со скутера и сломав ногу. Сразу за окном светит солнце, жара, плюс тридцать два, чуть дальше за этим же окном прекрасный песчаный пляж, который днем и ночью лижут волны Андаманского моря, а вы лежите на койке в Bangkok Hospital Phuket, нога под гипсом страшно потеет и чешется, и думаете, только об одном: «Господи, когда же это кончится?», а оно все не кончается и не кончается. Странно устроено человеческое время, но ведь всё человеческое устроено странно.

– До обеда, это по какому времени, по местному или по павлодарскому? Там уже почти обед, три часа разницы.

– Ладно уж, давай по местному, быстрее все равно не успеешь, – Алекс был реалистом.

– Да я и так не очень представляю, что в таком темпе сделать можно. Кого другого можно травануть было бы, грибами, например, так ведь эта кроме каши и не ест ничего толком. А с каши чего будет?

– Ну ты подумай, фантазию напряги, – посоветовал Алекс. – Она в самом Павлодаре живет?

– Нет, в деревне, до города километров сорок будет.

– Хорошо, значит скорая быстро приехать не сможет, есть варианты. У нее, кстати, аппендицит вырезали?

– Аппендицит, – задумчиво повторил Петр, – про аппендицит я не думал.

– А ты подумай, – Алекс допил виски и добавил неожиданно поскучевшим голосом, – пока в лифте ехать будешь, подумай.

...

– Ну что, как прошел консилиум? – беззаботно улыбающийся лифтер как обычно стоял возле своей стойки и крутил ручку старенького радиоприемника, – чего-нибудь интересного надумали?

– Если б ты знал, старый, какую мы сегодня муть обсуждали, – вздохнул Петр, – я в свое время, когда за эту работу брался, думал повеселее все будет.

– Это все обучающий фильм, он на всех так действует, – вздохнул лифтер и, закрыв глаза, процитировал, – я карающий меч, парящий над миром, я рука помощи, протянутая нуждающемуся. Так, кажется?

– Верно, – кивнул Петр и спросил недоверчиво, – а тебе что, друг мой, тоже фильм показывали?

– Мне? – удивился лифтер, – мне-то зачем? Так, рассказывал кто-то, Павел кажется.

– Ну да, – согласился Петр, – тебе незачем. На кнопку жать, много ума не надо. Ладно, я погнался, дел много.

– Хорошо вам дня, – лифтер махнул на прощание рукой, но Петр, устремившийся к выходу из здания, этого не заметил.

Глава 5, в которой Магда вспоминает все, что никогда не помнила, а Анна просто получает удовольствие

Анна стояла неподвижно, глядя в зеркало. Она видела, как Артем задернул на окне шторы и обернулся. Может быть, он тоже ждал, что она повернется к нему, но Анна застыла, не в силах пошевелиться. Сделав два осторожных шага, Артем наклонился, прижавшись губами к ее щеке легким прикосновением, от которого по спине тут же пробежали мурашки, а все тело затрепетало в томительном предвкушении.

– Если ты хочешь меня остановить, скажи сейчас, – прошептал он так тихо, что слова она скорее угадала, чем услышала. Если бы он тоже смотрел в зеркало, то увидел бы, как она улыбнулась. Артем коснулся губами мочки ее уха. Анне вдруг стало жарко, и она непроизвольно ухватила рукой за верхнюю пуговицу на блузке.

– Ты молчишь? – тихий шепот настаивал на ответе, хотя его возбужденное дыхание говорило о том, что ответ может быть только один, – ты так ничего мне не скажешь?

Анна обернулась всем телом и ее губы, прервали бессмысленный поток слов, срывающийся с его губ.

Лифтер немного прибавил громкость. Он услышал, как женщина застонала, потом послышался хрип, словно человек, которому на шею накинута удавка, пытается узнать, за что его убивают, иногда из динамика врывались обрывки несвязных фраз, а потом вновь слышались страстные стоны.

На всякий случай лифтер оглянулся. Еще не хватало, чтобы кто-то услышал звуки, доносящиеся из радиоприемника. Но в огромном холле, как обычно, кроме него никого не было.

– Тёма, – вдруг вскрикнула женщина и затем уже тише, растягивая слога, – Тёмочка!

Хриплое, прерывистое дыхание мужчины участилось, а затем вдруг слилось в единый торжествующий поток звуков. Краем глаза лифтер успел заметить, как через распахнувшиеся двери небоскреба в холл кто-то вошел, и поспешно выключил радио. Острые каблукы, приближаясь, зацокали по гранитному полу.

– Небесные угодники, – пробормотал лифтер и устремился навстречу появившейся в холле женщине. – Магда! Ну наконец-то! Почему ты приходишь так редко?

– Ой ли? – Магда чуть-чуть присела и позволила старику, не достающему ей до плеча, поцеловать себя в щеку, – может просто кто-то слишком стар и не помнит, что я приходила вчера, причем дважды?

– Может быть кто-то слишком сильно по тебе скучает? – в тон ей отозвался лифтер. Ты знаешь, что снилась мне этой ночью?

– Неужели? – Магда на мгновение улыбнулась, и сама поцеловала старика в кончик носа, – только не рассказывай мне, что мы там во сне вытворяли. Наверняка, это было что-нибудь неприличное.

– Что же может быть неприличного в любви двух одиноких сердец? – обиженно заморгал лифтер.

– Ну хотя бы то, что одно из этих сердец может не выдержать нагрузки и лопнуть, – развеселилась Магда, – мне кажется, тебе пора выбирать развлечения поспокойнее. Да и сны тоже.

– А мне кажется, мы вполне могли поужинать сегодня вместе, – старик все еще отказывался признать поражение, – я сегодня надеюсь освободиться пораньше.

– Так ты что, отсюда выходишь? – Магда не скрывала удивления. – Я была уверена, что ты так и живешь тут, где-то в подсобке. Сюда ведь как не придешь, ты всегда здесь, за стойкой.

– Это потому, что я чувствую, когда ты идешь и спешу вернуться, – старик усмехнулся, – так что насчет ужина?

– Знаешь, не хочу тебя огорчать, но вряд ли, – Магда, покачала головой, – я предпочитаю слишком дорогие рестораны, ты вряд ли себе сможешь это позволить. Давай, мы лучше сделаем так, ты сейчас нажмешь на кнопку, а потом, когда я буду возвращаться, я тебя поцелую. Но только в щеку!

– Как скажешь, Магда, как ты скажешь, – вздохнул лифтер, поднося руку к панели управления.

Para don't preach, I'm in trouble deep (папа не причитай, у меня проблемы)

Para don't preach, I've been losing sleep (папа не причитай, я потеряла сон)

Заголосили колонки голосом Мадонны. Усмехнувшись, Магда вошла в лифт и показала старику поднятый большой палец.

– Мадонна – это здорово, мне нравится! Наш человек!

Затем двери лифта закрылись и в холле вновь стало тихо.

...

– Магда, – Алекс склонился и поцеловал ей руку, – красавица Магда почтила своим визитом мою скромную обитель.

Магда почувствовала, как возбуждение плавно перетекает в ее тело через ладонь, губы ее приоткрылись и тут же из них раздался легкий стон разочарования. Алекс выпустил ее руку и устремился к барной стойке.

– Ты выпьешь со мной? Коктейльчик или быть может шампанского? А что я спрашиваю, конечно шампанского! У меня как раз есть великолепный экземпляр, – Алекс помахал бутылкой, – из запасов Дюма-отца, между прочим, – он с легкостью сорвал пробку, послышался хлопок, а над горлышком поднялось легкое белое облачко, – а он, я скажу тебе, знал толк в удовольствиях. Хотя, что тебе рассказывать, ты и сама все должна помнить.

– Да уж, – Магда чувствовала себя разочарованной, – в чем в чем, а в чревоугодии он был хорош.

– Ну не только, – Алекс быстро вернулся, неся фужеры с шампанским, – он и писал на мой взгляд неплохо.

– Писал? – возмущенно фыркнула Магда, – тогда уж скорее, подписывал. Писал-то Маке.

– Я думаю, Маке несколько преувеличивает свои заслуги, – мягко улыбнулся Алекс, – точнее будет сказать, что они оба изрядно привирали. Конечно, если бы их взять, да и допросить с пристрастием, открылось бы наверняка много интересного. Можно было бы протоколы допросов опубликовать потом в каком-нибудь толстом литературном журнале.

– Сейчас уже нет литературных журналов, – сделал несколько глотков шампанского, которое действительно было великолепно, Магда слегка подобрела, – ни толстых, ни тонких.

– Что, вообще? – изумился Алекс.

– Фактически. Пара названий еще осталась, но там кроме названий больше и нет ничего, раз в полгода выходят смешным тиражом, и тот никто не читает. Это как курица, у которой башку отрубили. Она уже дохлая, но еще бегаёт. Ты мне лучше объясни, как так вышло, что они оба в Благодать проскочили, если один из них сто процентов врет?

– Это ты про Дюма опять? – Алекс пододвинул кресло и сел прямо напротив Магды.

– Про него и Маке, – Магда кивнула, чувствуя, как под пристальным взглядом Алекса в ней вновь нарастает возбуждение, – если кто-то из них врет, то он не должен был там оказаться.

– Знаешь, я как-то этим вопросом сильно не задавался, – Алекс пожал плечами, – могу уточнить, если хочешь. Я же говорю тебе, привирали оба.

– Даже так? – Магда с сожалением взглянула на опустевший фужер, – тогда мне вообще непонятны критерии отбора. Если они оба такие грешники...

– Магда, – Алекс укоризненно покачал головой, – а кто не грешен? Сама посуди, если всех так строго судить, никакого баланса не будет, все нарушится. Возьми ту же Благодать, там ведь луга, цветники, фонтаны. Скотина опять же всякая, Бэмби, еще кто-то, всех не упомнишь.

– И что? – непонимающе спросила Магда.

– Ничего, – Алекс усмехнулся, – луга косить надо, не то сорняками все зарастет, цветники полоть, фонтаны чистить, скотину кормить. Кто этим всем заниматься будет? Само что ли? Тот же Бэмби, это он в мультиках бегаёт себе травку щиплет, все умиляются. А на самом деле что?

– Что?

– Этот лосяра здоровый цветники за ночь все выжрет, что не сожрет, вытопчет, а потом у него брюхо бурлит и он бегаёт по дорожкам и гадит где не попадая. За ним полдня только ходить убирать надо.

– Я думала, он олень, – Магда удивленно покачала головой, – олененок.

– Лось он, – хмуро бросил Алекс и тут же спросил, – а ты чего шампанское не пьешь? Не нравится, что ли?

Только сейчас Магда заметила, что фужер в ее руке вновь наполнен почти до самых краев, а пузырьки выходящего из шампанского углекислого газа весело облепили хрустальные стенки.

– Так у них что там, колхоз? – он с удовольствием сделала глоток.

– Не совсем, – Алекс не на долго задумался, – скорее кибуц.

– Это что ж, получается, они у евреев идею подсмотрели?

– Скорее наоборот, все ведь по образу и подобию. Вот кибуцы тоже так сделали, по образу. Так сказать, тренировочные лагеря, чтобы люди уже на земле к райской жизни готовились.

– Ага, – Магда пренебрежительно скривилась, – что-то, я смотрю, в эти кибуцы очереди не выстраиваются.

– А куда спешить? Если ты точно знаешь, что после смерти всю жизнь будет именно так: цветы, грядки с клубникой, хоровое пение по выходным, то можешь несколько лет уделить какому-то разнообразию.

– Ну да, потом будет что вспомнить, – вздохнула Магда.

– Ты что? – Алекс удивленно взглянул на собеседницу, – совсем всё забыла? Тебе это тыщу лет назад рассказывали. Благодать, она потому и Благодать, что те, кто попал туда ничего не помнят.

– Вообще ничего?

– Вообще. Ни детей, ни родителей, ни первый секс, ни последний. Они ж поэтому все и счастливы, что не помнят того, что потеряли.

– Они ничего как бы и не теряли, выходит.

– Вот именно, – Алекс кивнул, – понимаешь, в чем фишка? Нет ни тоски, ни воспоминаний. А те, кто в другое место попал, у тех наоборот, у них память обостряется. Они там такое вдруг вспоминают, что уже много лет как забыли, про то думать начинают, чего в их жизни почти и не было, точнее они думали, что не было, а оно когда-то давно было, но потом из памяти стерлось.

– Это что ж такое, например? Мне кажется, я все про себя всегда помнила, особенно самое хорошее.

– Да ладно, – Алекс пренебрежительно махнул рукой, – самое хорошее никто не помнит. Вообще никто.

– Может быть ты мне тогда подскажешь, что это? – попросила Магда.

– Оно тебе надо? – Алекс скептически взглянул на утвердительно тряхнувшую головой Магду. – Ладно, закрой глаза, расслабься, веселые картинки показывать буду.

Стиснув фужер с недопитым шампанским обеими руками, Магда откинулась на спинку дивана и зажмурилась.

– Да ты расслабься, – ласково попросил Алекс, – что вы все такие зажатые? Никто толком расслабиться не умеет.

Магда почувствовала легкое головокружение и сильнее вжалась в спинку дивана. Она хотела было открыть глаза и сказать Алексу, что передумала, но с удивлением поняла, что веки не открываются. Магда не успела толком испугаться, когда из темноты начали появляться становящиеся все более четкими образы. Она словно смотрела кино в формате 3Д, а голос Алекса мягко звучал в ушах, комментируя происходящее.

– Вот ты открыла глаза, но все равно ничего толком не видишь, потому что зрение еще не конца сформировалось. Ты ничего не можешь понять и кричишь, а потом с трудом, сквозь свой громкий плач слышишь чей-то голос. Это голос женщины, она зовет тебя по имени. Ты слышала этот голос и раньше, но он всегда звучал несколько иначе, впервые ты его слышишь так отчетливо, впервые слышишь свое имя, хотя и не понимаешь ничего из того, что тебе говорят. Но это не важно. Важно лишь то, что ты чувствуешь: этот голос полон любви к тебе, рядом с этим голосом тебе совсем не страшно и можно не плакать. А потом в твои губы упирается что-то непонятное, но на всякий случай, ты приоткрываешь рот и хватаешь это непонятное губами. И твой рот наполняется блаженством. Это молоко твоей матери. Ты еще не знаешь, что это такое, но ты чувствуешь себя счастливой. Тебе уже не страшно, тебя обнимают мягкие теплые руки, а рот наполнен восхитительным вкусом, и ты делаешь глоток за глотком, пока не засыпаешь своим первым счастливым сном.

Магда почувствовала, что рот ее начал наполняться жидкостью со странным, явно знакомым, но давно забытым вкусом. Она сделала глоток и материнское молоко потекло по пищеводу.

– Вот ты стоишь на месте, немного покачиваясь, ты уже давно хотела это сделать, но все никак не решалась. И вот время настало. Ты делаешь шаг, чуть не падаешь, но ухитряешься удержаться на ногах. Тебе надо сделать еще три шага и тогда ты окажешься рядом с ним. Рядом с сидящим на корточках бородатым улыбающимся мужчиной, твоим отцом. Ты делаешь эти шаги один за другим, на четвертом твои ноги заплетаются, и ты падаешь, но отец вовремя подхватывает тебя на руки, затем начинает осыпать твое лицо поцелуями, потом он вскакивает и подбрасывает тебя в воздух, ловит и снова подбрасывает, еще выше. Ты визжишь от восторга. Ты помнишь свой крик, Магда? Ты все помнишь? А ты чего реवेशь-то?

– Останови это, – Магда размазала по лицу слезы и тут же глаза ее открылись, не делай так больше! Никогда так не делай!

– Вот всегда так, – Алекс обиженно развел руками, – вы вначале ничего не боитесь и просите чего-то, чего вам даром не нужно, а потом плачете, когда это чего-то у вас исполняется. Нафига просите?

Ответить Магда ничего не смогла, она лишь поднесла ко рту фужер с шампанским и стремительно его опустошила.

– Тоже правильно, – одобрил Алекс, – выпей, оно сразу полегчает. Ты, считай, толком ничего и не посмотрела, а люди, ну те, которых обрекли на веки вечные, вот так сидят и смотрят без конца и видят, какими были и какими потом стали. Смотрят и воют, от того, что их изнутри тоска гложет, она их выедает полностью, тоска эта, лишь один скелет остается. Потом, раз и мясо опять на костях нарастает и все по-новой. Кстати, удобно. Всем остальным работы меньше. А то вот эта вся возня, то печь не топлена, то крюки не наточены, она кого хочешь уморить может. А толкового персонала его нигде не хватает, ни сверху, ни снизу. Ты в курсе, кстати, что грехи взвешивать перестали?

– Это как так? – от удивления Магда вытаращила глаза.

– Давно уже, лет триста, – кивнул Алекс, – как начали статистику при отборе применять, так и поняли, что перекося идет, все лучшие кадры вниз уходят. Лучшие, они ведь сама знаешь, ребята шустрые, все погрешить успели.

– Так, а как теперь делят? – не могла понять Магда.

– По средней работают, – увидев в глазах собеседницы непонимание, Алекс усмехнулся, – всю массу, кто у ворот собрался, по ранжиру распределяют и делят. Половина наверх уходит, половина вниз.

– И что, так лучше стало?

– Да, наполняемость везде стабилизировалась, делить проще. Иногда конечно, за середнячков выходит буза. Вроде как из той партии что есть, он чуть ниже границы проходит и в Благодать не может попасть, но начинают данные за предыдущие годы смотреть, и там если, брать большой массив данных, то он, вроде как, уже чуть выше границы оказывается, ну или наоборот.

– И что тогда?

– Пытались какие-то критерии выработать, чтоб никому не обидно было, – Алекс задумчиво потер ямочку на подбородке, – но так ни до чего и не договорились. В итоге все по старинке решают, монеткой.

– Монеткой? Кидают что ли?

– А как еще? Конечно, кидают. Специальную монету изготовили, обе стороны участие принимали, потом центровку тыщу раз выверяли, чтоб никто никого обмануть не мог.

– И что, не могут?

– Как тебе сказать, – Алекс задумчиво пожал плечами, – пытаются. С каждой стороны есть команда специалистов, которые монетку так кинуть могут, что она почти всегда нужной стороной ложится. Я как-то раз видел, как наши тренируются, звери просто. Один есть, он монету так кидает, что в половине случаев решка выходит.

– Тоже мне, достижение, – хмыкнула Магда, – в половине случаев и у меня решка выйдет.

– Э, нет, – Алекс покачал головой, – у него такая монета, тренировочная, там с каждой стороны орел, причем двуглавый, решки вообще нет, а у него все равно через раз выходит. Обещает ко второму пришествию до шестидесяти процентов догнать. Ладно, чего сидим просто так, раздевайся.

– Что? – Магда вздрогнула от неожиданности.

– Ты же вроде хотела, – Алекс поставил свой фужер с шампанским на стол и начал расстегивать рубашку, – или я ошибся?

– Нет, не ошибся, – Магда запнулась, не зная, как лучше ответить, – только после всех этих воспоминаний, сам понимаешь, настроение куда-то ушло.

– Настроение, – вздохнул Алекс, вытягивая почти полностью расстегнутую рубашку из брюк, – настроение, дело поправимое. Так лучше?

Он сбросил рубашку на пол. Мышцы обнаженного торса напряглись, и Магда увидела кубики пресса, отчетливо выступившие на загорелом животе Алекса. Она протянула руку и осторожно коснулась пальцами одного из кубиков.

– Раз, – сказала Магда.

– Два, – отозвался Алекс, когда она сместила руку чуть ниже.

На счете три Магда поняла, что никакие воспоминания больше не могут сдерживать разгорающиеся в ней желания, а на счете четыре все воспоминания и вовсе исчезли.

Глава 6, в которой Магда переживает незабываемые впечатления и тут же о них забывает, а Рокотов просто смотрит телевизор

Вернувшись домой, Рокотов, не разуваясь, прошел на кухню и, достав пачку из кармана пиджака, бросил ее на стол. Стол, как и сама кухня, был маленький, да и бросок был не слишком удачный. Сбив на пол грязную чайную ложечку, пачка проскользила по клеенке и замерла у самого края стола. Рокотов наклонился, и подняв ложечку с пола, вначале постучал ее по деревянной разделочной доске, и лишь потом бросил в раковину. Все правильно. Упавшая ложка к гостям, пусть и не таким плохим, которые обычно приходят после того как падает нож, но все же. Гости ему сейчас ни к чему, а значит надо как можно скорее поднять упавшую ложку с пола и трижды постучать по дереву. Многие знакомые Рокотова в таких случаях, глупо улыбаясь, стучали себе по макушке, тем самым давая понять, что и их голова это та еще чурка, однако сам Рокотов так никогда не поступал. Как-никак доктор наук, а это значит, что какие-то мозги у него в голове точно имеются.

Открыв холодильник, Рокотов достал из него начатую бутылку водки, которая стояла там еще с прошлой недели. Обычно, по средам Рокотов спиртного не употреблял. Выпивал он как правило раз в неделю, по пятницам, или, если вечер пятницы вдруг был занят неотложными делами, в субботу. Уже несколько лет Рокотов ограничивался одним и тем же весьма небольшим количеством выпитого. Три по пятьдесят. Это количество, пусть и не сразу, было определено эмпирическим путем, и являлось тем максимумом, после которого у Рокотова хватало силы воли остановиться и не уйти в недельный запой.

Чтобы случайно не проскочить остановку, Рокотов сразу выставлял на стол три пустых рюмки и наполнял их такой холодной и такой манящей влагой, после чего убирал бутылку в холодильник дабы избежать ненужного соблазна. На столе оставались три рюмки с водкой и какая-нибудь закуска, к которой сам хозяин дома был достаточно равнодушен.

Закончив манипуляции с предстоящим ужином, Рокотов обычно включал маленький, стоявший на холодильнике телевизор и устраивался напротив экрана. Приятный, округлого вида мужчина в телевизоре, делая плавные, ласковые движения руками сразу же начинал рассказывать о накопившихся за неделю проблемах человечества. Очевидно, по мнению рассказчика, большая часть человечества жила в соседней Украине, потому что именно о ее проблемах мужчина рассказывал с наибольшим энтузиазмом и уделял им значительную часть своего экранного времени. Гораздо лучше обстояли дела в более отдаленной от России, но тоже обремененной нерешенными трудностями Сирии. В ней с проблемами разбирались радикально, сбрасывая на них тяжелые бомбы и ведя огонь из различных видов наземных вооружений. Было очевидно, что в этом противостоянии проблемы обречены. Кроме несчастных украинцев некоторые затруднения испытывали жители Соединенных штатов Америки и Евросоюза, но исключительно по вине своих некомпетентных руководителей. Эти недалекие люди несколько лет назад попытались развязать санкционную войну с государством, которое в принципе никакой войной напугать невозможно, и которое на запрет ввозить кучу всего не так уж и нужного запретило ввозить в себя ровно столько же всего остального, чем загнало своих западных партнеров, если не в стойло, то уж точно в интеллектуальный тупик.

Рокотову нравилось слушать о чужих проблемах. Слушая мягкий, убаюкивающий голос мужчины с экрана, он выпивал первую рюмку и закусывал соленым огурчиком. Ему было приятно осознавать, что где-то есть люди, которым еще хуже, чем ему. На фоне звучащих из телевизора новостей, Рокотову иногда даже казалось, что у него не так уж все и плохо. Он не голодает, имеет крышу над головой, а жена, как это ни удивительно, продолжает любить его даже

после того, как он полтора года назад потерял работу в институте. Потерял по своей вине, нахамив новому заведующему лаборатории, назначенному по протекции из министерства на то место, на которое претендовал сам Рокотов. Претендовал, надо сказать, небезосновательно. Теперь, после полутора лет ожидания, что руководство института, понявшее какого ценного сотрудника оно потеряло опомнится и позовет его обратно, он мог претендовать лишь на должность учителя в расположенной по соседству средней школе. От осознания этого факта Рокотову обычно становилось грустно, и он опрокидывал в рот вторую рюмку, как правило, обходясь при этом без закуски. После этого он звонил жене, которая как всегда задерживалась на работе и голосом, вобравшим в себя всю, накопленную за много веков грусть еврейского народа, к которому сам не имел никакого отношения, спрашивал:

– Скажи, ты меня любишь?

Получив утвердительный ответ и обещание прийти домой как можно раньше, и в свою очередь пообещав держать себя в руках, он взбадривался, выпивал третью рюмку и расправлялся с оставшейся закуской. После чего, тщательно перемыв за собой посуду и выключив телевизор, отправлялся в комнату, где включал другой телевизор, побольше только уже не с новостями, а с каким-нибудь сериалом, который можно смотреть, не обременяя мозг попытками догадаться о замысле авторов, поскольку и замысла никакого у авторов как правило не было.

Поставив бутылку на стол, Рокотов достал из шкафчика с посудой рюмку и наполнил ее. Лежащая на столе пачка денег не давала ему возможности сосредоточиться, тогда Рокотов взял ее со стола и спрятал на холодильнике, за телевизором. На столе остались лишь бутылка водки, из которой четыре раза наливали по пятьдесят грамм и рюмка. Рокотов щёлкнул пультом. Почему-то сегодня смотреть новости ему не хотелось, и он переключился на круглосуточный юмористический канал. Там как раз ведущий представлял выходящих на сцену новых участников бесконечного телешоу.

«Вы конечно все знаете игру «Кто я?», – жизнерадостно провозгласил ведущий, лоснящийся от чувства собственного благополучия жгучий брюнет лет сорока пяти, – а теперь давайте представим, если в один прекрасный день участникам этой игры надо отгадать не предметы и даже не имена знаменитостей, а валюты разных стран.

На сцену быстро вынесли три стула, которые тут же заняли участники представления, каждый из которых старательно прилепил себе на лоб бумажку с графическим обозначением той или иной валюты. Одному достался «доллар», другому «евро», третьему, который старательно, но неумело изображал пьяного – «рубль».

ДОЛЛАР. Ну что, начнем? Я вообще, как? Меня уважают?

ЕВРО. Уважают конечно!

РУБЛЬ. (Падая на колени.) Мы тебя все очень уважаем! Ну очень!

ДОЛЛАР. Я вообще живой хоть или не живой?

ЕВРО. Живой, конечно живой.

РУБЛЬ. Ты всегда живой, ты живее всех живых!

ДОЛЛАР. Я что, Ленин что ли?

ЕВРО. Нет, нет, что ты! Как ты мог такое подумать?

РУБЛЬ. (Заплетающимся голосом) Ты гораздо лучше сохранился.

ДОЛЛАР. А я вообще нужен?

ЕВРО. Ну а как без тебя? (Задумывается.) Хотя, знаешь, было бы интересно попробовать.

РУБЛЬ. (Снова падая на колени.) Да я за тебя все готов отдать, ты не представляешь, как ты мне дорог!

ДОЛЛАР. Я живой, бодрый, меня все любят и уважают... я президент?

ЕВРО. Чего ты президент?

ДОЛЛАР. Откуда я знаю. Но такой бодрый президент только в России.

ЕВРО. А что, президента России все так любят?

РУБЛЬ. Ты только не обижайся! Президента мы любим еще больше чем тебя. Как-никак, он нас с новым годом все время поздравляет. (Соскальзывает со стула. С трудом поднимается.) Да что ж я падаю все время? Надо выпить! Кстати у меня водочка хорошая – «Нефтянка» называется. Я на нее подсел плотно. Могу нацедить вам по рюмочке.

ЕВРО. Подсел ты, смотри, печень посадишь

ДОЛЛАР. Вы меня совсем запутали. Ничего не понимаю.

ЕВРО. Давай я попробую. Вот я кто? Он или она?

РУБЛЬ. Ты нечто.

ДОЛЛАР. Нечто среднее.

ЕВРО. Это как вообще?

РУБЛЬ. Как обычно, в Европе сейчас так модно.

ЕВРО. А я нужен?

ДОЛЛАР. Ну иногда, да.

РУБЛЬ. Да как мы без тебя... хотя, знаешь, раньше и без тебя неплохо было.

ЕВРО. Вы меня совсем запутали, мне надо подумать.

РУБЛЬ. (Обводит всех тяжелым взглядом.) Вот смотрю я на вас и думаю, может я валюта какая?

ДОЛЛАР. Ты, валюта?

ЕВРО. Ты себя в зеркало видел, валюта?

РУБЛЬ. (Обиженно.) Мы же играем.

ДОЛЛАР. А, ну если играем. Тогда О'К, будем считать, что ты валюта.

ЕВРО. (Со смехом.) Но только игрушечная

РУБЛЬ. Так значит я выиграл! (Допивает бутылку.) Эх, «Нефтянка» кончилась! (Приподнимается со стула, но падает и засыпает.)

ЕВРО. (Легонько пинает его.) Ты чего отрубился?

ДОЛЛАР. А у него всегда так. Если с нефтянкой проблемы, сразу падает. Мы его теперь не поднимем.

ЕВРО. Ну и пусть валяется

ДОЛЛАР. Да пускай, нам же лучше. Пойдем в бар.

Два участника номера, обнявшись, ушли со сцены под аплодисменты сидящих в зале зрителей. Третий продолжал неподвижно лежать на полу, прижимая к груди пустую бутылку.

Рокотов выключил телевизор. Выступление юмористов ему не понравилось, по его мнению, оно было слишком непатриотичным. Вздохнув, он выпил, убрал бутылку в холодильник, а рюмку, вымыв, вернул в шкаф. Вторая, а тем более третья рюмка, равно как и просмотр сериала на сегодня запланированы не были. Если уж нашелся человек, который поверил в гениальность его изобретения, да еще и так великодушно профинансировал работу, не дожидаясь получения первых практических результатов, то этого человека он подвести не вправе. Да и себя самого подводить он больше не может, в конце концов очевидно, что человек оплативший такой щедрый аванс – пятьдесят тысяч долларов, непременно вскоре спросит, а на что были потрачены его деньги. Точнее он спросит, где обещанный за эти деньги результат?

...

Говорят, что смех продлевает жизнь. У древних китайцев, как и положено китайцам, особенно древним, был свой специфический взгляд на это утверждение. В те времена искусство стенд-апа было не так развито, как сейчас, поэтому смех вызывали более примитивным, но не менее эффективным способом, а именно щекоткой. К удивлению древнекитайских садистов (слово «садистов» зачеркнуто, правильно читать «исследователей») было установлено, что, испытывая продолжительную щекотку и сопутствующее ей веселье, человек, особенно связанный по рукам и ногам, довольно быстро достигал состояния, при котором продолжи-

тельность жизни вовсе даже не увеличивалась, а начинала стремительно сокращаться, причем порой она сокращалась буквально на глазах исследователей (Или все же садистов? Вопрос о том, можно ли отдельных представителей дружественного нам китайского народа называть садистами был направлен в МИД, но к моменту публикации книги ответ так и не был получен.) и прямо на их бесстыжих глазах могла и полностью угаснуть. «Много каласо, тозе плёхо!» – примерно так сформулировал вывод из этих наблюдений обалдевшим посланникам одного европейского монарха переводчик-китаец и торжественно вручил каждому по маленькому гусиному перышку, как раз такому, каким и был только что зачекочен до смерти некий проворовавшийся высокопоставленный чиновник императорского двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.